

ВЕЛИКОЛЕПНАЯ «семерка» с Виктором Ерофеевым в главной роли и мною на заднем плане, то бишь сиденье, мчит по направлению к Конькову.

— Куда мы едем? — спрашиваю я.

— На стриптиз.

Не без труда отыскав нужный дом с интригующей вывеской «Библиотека», мы наконец попадаем в скромное по размерам помещение, напоминающее гимнастический зал. Это «Эриком» — школа артистов стрип-шоу. Нас уже встречает съемочная группа явно нерусского происхождения.

— Виктор, что — здесь такое происходит?

— Это мы работаем над картиной для второго канала Би-би-си, знаменитого своими литературными и культурными передачами. Вообще, англичане приехали в Москву делать три фильма: о КГБ, о церкви и вот обо мне. Дело в том, что мой роман «Русская красавица» только недавно вышел в Англии, и канал Би-би-си им заинтересовался. Мы с режиссером Полом Гринграссом написали сценарий этой сорокаминутной картины и пытаемся сделать ее как фильм о современной русской культуре.

— А кого играете лично вы?

— Я впервые вообще что-то играю. Фильм называется «В поисках русской красавицы», и я как бы ищу свою героиню, пытаюсь узнать, что произошло с нею за годы, минувшие со времени окончания романа, то есть с восемьдесят второго года. То есть я играю автора «Русской красавицы». Это довольно сложно, но и забавно. Сложно играть себя, вернее, одну из своих ипостасей, а забавно потому, что это действительно актерская, новая для меня задача. У нас уже были съемки в консерватории, в хореографическом училище, на репетиции «Лолиты» у Виктюка, на концерте Шнитке, много еще где, теперь вот здесь. Следующей точкой будет какой-нибудь валютный кабак. Но я не уверен, что мои поиски чем-то увенчаются.

— Наши зрители увидят этот фильм?

— Возможно. Я надеюсь на это.

— **С ВАШЕГО** позволения, Виктор, вернемся на десять лет назад. Как возник замысел романа «Русская красавица»?

— Знаете, все, имеющее какую-либо ценность, пишется бессознательно. Сначала возник голос. Женский голос. Этот голос вел меня и привел к тому, что я довольно быстро написал роман. А сейчас мне уже кажется, что это было появление первой свободной русской женщины, совершенно новой ментальности, этакого Горбачева в юбке. Я думаю, она во многом историческая женщина, моя Ирина, и я к ней испытываю какую-то родственную симпатию — она мне как сестра. Ну, а все остальное — это уже проблемы романа. И насколько мне удалось их разрешить, я их разрешил.

— Как складывается издательская судьба «Красавицы»?

— Она впервые вышла в восемьдесят девятом году в Москве и в Париже одновременно, затем последовала серия публикаций за границей. Сейчас роман переведен на 11 или 12 языков, а договоры у меня есть на 25 или сейчас уже больше. Только что он издан в Японии.

— А в России?

— Здесь он вышел первый раз в издательстве «Вся Москва» в довольно обезображенном виде. Когда я показал эту книгу моим французским издателям, они решили, что это имитация самиздата.

Шрифт, оформление, обложка — все было безобразно. Совсем недавно вышла в Ставрополе книжка с весьма кичевым оформлением, но я думаю, никто в Ставрополе не догадался, что это кич. А сейчас она вышла в издательстве «Серебряная подкова» и, по-моему, в хорошем исполнении — с красивой картинкой Сомова на обложке, она теперь довольно приятная девушка, эта книжка. И вроде как планируются еще издания в Алма-Ате и Ижевске в ближайшее время.

В УЮТНОЙ квартире на Смоленской разговор продолжается под блины с икрой. Такая атмосфера настраивает на академический лад.

— Виктор, вы не только писатель, но и критик, и литературовед. К какому направлению в литературе вы бы причислили себя как прозаик?

— Знаете, в этом смысле я одинокий человек. Я не причисляю себя совершенно ни к какому направлению, писательскому или идейному. Я не считаю себя ни

тетическими представлениями и моими экзистенциальными возможностями.

— А не приходится ли выслушивать упреки, ну, скажем, в излишнем натурализме? Это что касается эстетических представлений.

— В отличие, скажем, от прекрасного рыцаря чистой литературы Владимира Сорокина, я люблю впадать в некую жизненную грязь, поскольку подозреваю, что тот эстетический и экзистенциальный опыт, который мы накапливаем, требует

просто заявлять. Вернее, это было как бы соцветие из трех цветков: либеральный цветок, официальный и деревенский — все они заявляли. Можно было констатировать смерть, и эта констатация вызвала бешеное раздражение всех трех направлений. Я написал статью как доклад для Международного съезда писателей в Будапеште. Мне позвонили из американского фонда и сказали: «Напишите о советской литературе». Я им ответил, что она умерла. Они удивились и говорят: «Вот об этом и напишите».

— Что же за литературу мы имеем сейчас?

— Сейчас происходит совершенно естественная заминка, пауза. Много, что сделано людьми, высоко котирувавшимися в шестидесятые, семидесятые, даже восьмидесятые годы, превращается во вчерашний день. Это как водораздел в географии.

ЗДЕСЬ разговор вновь прерывается, и я становлюсь свидетельницей еще одной интригующей сцены. Виктор обзванивает киностудии в поисках потенциальных «проституток» для предстоящих в тот же день съемок в баре. Рядом переминаются с ноги на ногу английские телевизионщики. После нескольких тщетных попыток мне вдруг следует неожиданное, но по-своему заманчивое предложение:

— А вы не могли бы сыграть проститутку?

Я соглашаюсь попробовать.

Но в бар гостиницы «Интурист» нас не пускают. То есть съемочную группу Би-би-си пропускают без звука, а перед нами с Ерофеевым внезапно, как из-под земли, вырастает кордон из могучих, коротко стриженных молодцов.

— Что ж, — заключает Виктор печально, — ничего не изменилось.

Я, воспользовавшись случаем, продолжаю разговор.

— Каково, на ваш взгляд, положение писателя сейчас, когда цензуру идеологическую сменила цензура коммерческая?

— Я не знаю ни одного времени, когда писателю было бы легко. Писательская судьба складывается на небесах, это соединение таланта, везения, отчаяния, безнадежности... Коммерческие структуры ничего не разрушают, это лишь форма вечного заговора против искусства, ибо искусство при любом режиме есть нарушение порядка вещей. Мандельштам говорил, что литература — это «ворованный воздух».

— Лишь бы нам его опять не перекрыли...

— Жаль, что у нас полностью отсутствует политическая культура. Паника стала доминантой нынешней политической жизни. Как будто не ясно, что хороших правительств вообще не бывает, просто есть плохие правительства, которые допускают критику и которые не допускают. Последние — страшные. Наша ситуация плоха, но не безнадежна. Можно сказать, что мы проходим очень разбитый отрезок правильно выбранной дороги.

— И все же нет ли опасности нового «када»?

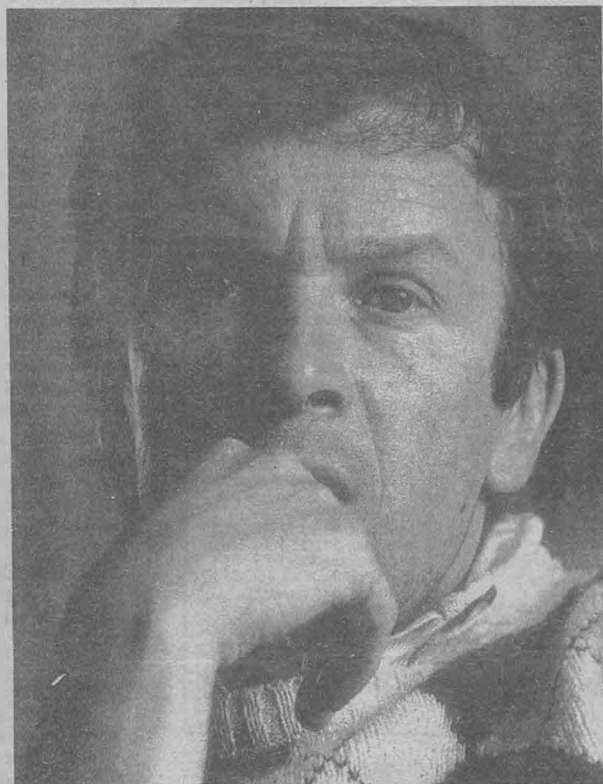
— Нынешнее положение напоминает лето семнадцатого года, когда демократическое правительство слабеет и появляется возможность выхода наружу самых диковинных демагогических идей, которые могут легко увлечь людей глуповатыми и дезориентированными.

— Что ждет нас завтра?

— Наверное, движение в сторону нормальной цивилизации.

Беседовала
Юлия СКОРОДУМОВА.

В поисках красавицы

Писатель
Виктор
Ерофеев:

"Мы уже
побывали
в аду,
и чистилище
нам
покажется
раем."

Фото
Михаила
Лемкина

— Насколько я знаю, предполагается также экранизация?

— Да, картина будет сниматься с февраля. Делает фильм режиссер Чезаре Феррарио. Это довольно известный миланский актер, работавший с хорошими режиссерами, а сейчас сам взявшийся за режиссуру. Я написал сценарий и надеюсь, что при поддержке французских продюсеров мы сделаем что-то путное. На большее я не претендую, поскольку сделать кино из собственного романа — задача болезненная, почти невыполнимая.

— Фильм будет сниматься в Италии?

— Нет, он будет сниматься здесь. Будет достаточно много русских актеров, но кино, наверное, получится западным, так как западные продюсеры диктуют свои условия. Вообще, должен сказать, что хотя все это имеет некоторое значение для меня, я предательски «переключился»: заканчиваю новый роман. Это большая вещь, совсем не похожая на «Русскую красавицу» и, по-моему, вообще ни на что не похожая. Скажу лишь, что, безусловно, это роман, который я смог написать, исходя из опыта последнего времени, и своего собственного, и опыта людей, которых я видел вокруг себя.

западником, ни славянофилом. Я не считаю себя ни авангардистом, ни концептуалистом, ни реалистом, не считаю себя связанным с какой-либо школой. Я сознаю, что скорее всего произвожу впечатление человека, который сидит на двух стульях — между Европой и Россией, — положение неудобное, но во многом способствующее расширению культурного контекста. Например, я регулярно пишу для западных журналов. Может, это форма побега от смерти, не спасения, так выживания.

— А как вы относитесь к определению вашей прозы как явления постмодернизма?

— Я не вижу в России ни одного постмодерниста и самого себя к этому направлению не причисляю, хотя на Западе как раз меня и определили как, может быть, единственного здесь постмодерниста. Но ведь это определение появилось в связи с романом «Русская красавица», который, как я уже говорил, был окончен в восемьдесят втором году, когда слова «постмодерн» я просто не знал. Для меня важна в постмодернистской концепции возможность говорить о каких-то вещах на грани между воображением и реальностью, на грани между моими эс-

Модер. КОНСОНАЛ 1993. — 3 МАРТА